

**ФЕНОМЕН «МАНОР-ГОРОД»
В АНГИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ****М. В. Винокурова***ИВИ РАН*

В статье впервые в отечественной медиевистике рассматривается феномен «манор-город», существовавший в некоторых графствах Англии в период раннего Нового времени. На основе анализа описей поместий графов Пемброков в Уилтшире автор исследует не только типологические характеристики такого рода поселений, но и специфику сочетания в них черт городской и сельской жизни.

Манор-город... Странно, не правда ли? Действительно, могло ли английское поместье XVI—XVII вв. обладать признаками города? И напротив — возможно ли представить себе поселение городского типа, характеризующееся чертами манора и фиксируемое источниками поместной истории?

Попробуем же разобраться в том, что могли представлять собой такие поселения в Англии периода раннего Нового времени, иногда обозначаемые в источниках, в том числе и в источниках по манориальной истории, термином *borough*. Так, именно данный термин нередко фигурирует в манориальных описях графов Пемброков в Уилтшире по отношению к описанию центра их поместий под названием Вилтон, зафиксированного в *общем ряду* многочисленных *маноров* этого поместья¹. Двойственное статусное состояние Вилтона, терминологически отраженное в источниках, побудило меня поставить проблему «манора-города», то есть попытаться разрешить вопрос о том, каковы могли быть типологические характеристики указанного рода поселений, фиксируемых именно документами манориальной истории, в Англии периода раннего Нового времени².

¹ Справедливости ради отметим, что, наряду с термином *borough*, в описях наличествует (правда, не так уж часто) и «прямой» термин: «*manor*». См: Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566—67. Oxford, 1909. Survey of the Manors of Philipp the First Earl of Pembroke and Montgomery. Devizes, 1631—32.

² Оказалось, эта проблема ныне волнует также и моих коллег, в частности, из Бирмингемского университета, что выяснилось из бесед с профессором Кристофером Дайером во время моей стажировки в Англию весной 1999 г. См., например: *Dyer Chr. Small Towns, 1270—1540* // The Cambridge Urban History of Britain. vol. I, ed. by D. Palliser, Cambridge, 2000. P. 505—37; *Idem. Small places with large consequences: the importance of small towns in England, 1000—1540* // Historical Research, 75, 2002, P. 1—24.

© Винокурова М. В., 2006

Признаюсь, что в свое время, работая над книгой по истории английского крестьянства указанного региона³, я уделила развитию Вилтона, может быть, недостаточно внимания в своем исследовательском рвении показать основные направления *аграрного* развития Юго-Запада. Теперь же, думается, настала пора исправить это упущение и прежде всего потому, что специфическое развитие этого манора-города в раннее Новое время является достаточным основанием для этого. Так называемые «частные» проблемы, как нередко случается, вполне могут служить базисом для работы типологического порядка. Разумеется, проводить такого рода работу лучше очень тщательно, осторожно и взвешенно с тем, чтобы не выдать желаемого за действительное.

Что же представлял собой Вилтон на стыке XVI—XVII столетий: город или манор?

Для того чтобы попытаться разрешить эту проблему, следует обратиться к использованию выработанных в отечественной историографии критериев средневекового европейского города как итога и наиболее яркого выражения общественного разделения труда, как особого общественного концентрата, характеризующегося весьма специфичным образом жизни.⁴

Попробуем в качестве первого признака города, приемлемого для использования в интересующем нас случае, выделить такой критерий, как относи-

³ Винокурова М.В. Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в. М., 1992.

⁴ См.: Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1—4. Отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1999—2000. Левцкий Я.А. Город и феодализм в Англии. М., 1987; Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII—XV вв. М., 1980. Она же. Генезис феодального города в средневековой Европе: проблемы и типология // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987; Ретина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М., 1979.

тельно незначительная роль сельского хозяйства в занятиях населения. Посмотрим же (насколько позволяет это сделать единственный тип наших источников — манориальные описи — не вполне, строго говоря, подходящий для решения поставленной задачи), какова была роль сельскохозяйственных занятий среди населения Вилтона в XVI — первой трети XVII в.

Для XVI в. описи фиксируют в Вилтоне 78 держателей⁵ различных юридических статусов, проживавших в самом «маноре-городе». 4 держателя зафиксированы и в окрестностях центра поместий Пемброков. При этом, к сожалению, в источниках не указывается общее число жителей Вилтона: исчерпывалось ли оно этим количеством дворов или было больше — нам неясно.

Среди этих держателей — 32 копигольдера, 37 фригольдеров (причем в большинстве случаев фригольдеров благородных) и 9 арендаторов, которые держат участки сданного в аренду сада и парка Пемброков, а также ряд участков доминиальной земли⁶. Причина, обуславливавшая многочисленность фригольдеров в границах Вилтона, особой загадки не представляет, поскольку речь идет о бывшем королевском маноре и даже маноре «старинного домена короля», который до XVI в. оставался во владениях короны, и аграрные порядки в котором, следовательно, характеризовались относительно большим элементом свободы по сравнению с владениями частновотчинного типа.

Нельзя сказать, что площадь центра владений Пемброков, отданная под полезное земледелие, уж слишком изменилась со времен Книги Страшного суда: в XVI в. она составляла, как и прежде, около 20 гайд⁷. А поскольку уилтширская гайда, в отличие

⁵ Когда мы, ссылаясь на описи, говорим о таком-то количестве *держателей*, то следуем при этом терминологии источников, в которых к тому же было принято, как уже указывалось, группировать информацию именно вокруг *имен* этих держателей. Такой подход манориальных клерков к делу не исключал, однако, того, что за именем каждого из держателей «скрывалась» его семья, и, что естественно, земельный надел, необходимый для ее содержания (иногда имелось и описание двора). Так что наличие 78 держателей означает в нашем случае как минимум наличие 78 семей и их земельных участков.

⁶ Обстоятельство, на которое в свое время я не обратила достаточного внимания. А ведь наличие доминиальной земли (пусть и без фиксации ее площади, закрепленной за держателями), зафиксированной внутри «*borough*», говорит о многом. Во всяком случае, предупреждает об опасности недооценки «сельского» характера поселения.

⁷ Данные Книги Страшного суда для уилтширских маноров взяты из *Domesday Survey*. См.: *The Victoria History of Wiltshire*. L., 1957—1961. Vol. II.

от «общеанглийской» фискальной и земельной единицы, равнялась не 120, а 48 акрам⁸ (в связи с наличием в этом регионе меловых, то есть менее плодородных почв), то вышеупомянутые держатели хозяйствовали в XVI в. на площади земли примерно 1000 акров. Даже эти, уилтширские, уменьшенные чуть ли не в три раза по сравнению с «общеанглийским» вариантом, гайды дают нам совсем не типичную для *borough* площадь. Она и в этом, «усеченном», варианте явно великовата для провинциального средневекового городка XVI в. и вполне подходит к представлению о средней величины маноре. Итак, население Вилтона не концентрируется на сравнительно небольшой площади, оно разбросано по просторам, типичным для манора (примем во внимание, к тому же, и наличие общинных земель, «закрепленных» за Вилтоном описью — таковых фиксируется более 400 акров⁹), что не дает основания применить к этому поселению такой, например, критерий средневекового городского центра, как «концентрация населения на сравнительно небольшой площади», в свое время введенный Я. А. Левицким (правда, для английских городов XI в.).

Если же вернуться к специфике занятий населения Вилтона, то придется принять во внимание то обстоятельство, что собственно участки держателей здесь были невелики, о чем свидетельствуют и мои подсчеты земельной площади, и средний уровень рент на участках держателей различных юридических статусов: площадь земли варьировала от 10 до 15—17 акров (разумеется, встречались держания и большей площади), а ренты исчислялись в пенсах и шиллингах, очень редко — в фунтах. О том, что перед нами небольшие держания городского типа, свидетельствует и почти полное отсутствие дифференциации внутри каждой из юридических категорий держателей. Здесь нет ярко выраженной поляризации на коттеров и «земельных магнатов», как в других манорах владельческого комплекса Пемброков. Очевидно, что хотя земледелие традиционно продолжало составлять смысл жизни и основу существования «вилтонцев», обработывавших свои небольшие участки и плативших за них умеренные ренты, оно все же не могло полностью обеспечить прожиточный минимум каждой семьи (как можно удовлетворительно существовать с 10 акров?), играло подсобную роль

⁸ *Tate J. Large Hides and Small Hides // EcHR*, 1902. P. 280—282. *Maitland F. Domesday Book and Beyond*. Cambridge, 1897.

⁹ *Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke...* Vol. 1. Wilton. P. 206—215.

и, несомненно, дополнялось занятиями неземледельческого типа.

Итак, если первый признак средневекового города как локального центра периода раннего Нового времени о незначительной роли сельского хозяйства в занятиях населения, вроде бы настраивает нас считать Вилтон скорее манором (как раз все оно занято в сельском хозяйстве), да и второй тезис о концентрации жителей на небольшой площади не «работает» на идею города, то критерий, сводящийся к констатации наличия земельной собственности, недостаточной для ведения сельского хозяйства, в частных руках, побуждает считать его, наоборот, более городом, чем манором, и заставляет думать о дополнительных неземледельческих занятиях населения¹⁰.

Надо сразу сказать, что прямых указаний на род этих занятий в источниках не содержится (это ведь *опись держаний*). Зато во введении к описи указывается (да это известно и по литературе), что в XVI в. Вилтон, наряду с соседним Нью-Солсбери, являлся одним из наиболее крупных по тем временам ремесленных и рыночных центров Уилтшира. Традиционным для юго-восточной части этого графства, где находился и доныне находится Вилтон, еще с XIV—XV вв. было производство холста и тонких льняных полотен, дубление кож, пивоварение, производство изделий из железа и т. д. На ярмарках, которые проводились там трижды в году (в сентябре, апреле и июле), велась торговля зерном (которое, кстати, не только привозилось из окрестных маноров, но «производилось» на наиболее крупных участках аренды в самом Вилтоне), тканями, кожами, одеждой, воском, железом, скотом и т. д.¹¹

Итак, для Вилтона характерно наличие рынка, что, конечно же, свидетельствует о городском характере этого поселения, о занятиях части населе-

¹⁰ Прекрасно отдаю себе отчет в том, что применение критериев и признаков средневекового города (или, скорее, поселения городского типа) к анализу специфических черт подобных поселений периода раннего Нового времени может быть признано уязвимым. Но что же делать — другого выхода нет, поскольку речь идет о “borough”, еще не классифицированном типологически, тем более на основании таких специфических для данного случая источников как манориальные описи. Кстати, надеюсь в процессе изучения схожего случая, представленного в описях комплекса Рочдейл северозападного графства Ланкашир, внести, может быть, некоторые новые данные в определение признаков этого феномена со странным названием «сельское поселение городского типа», которое, в сущности, и представлял собой “borough”.

¹¹ Ramsay L.D. Wiltshire Woolen Industry in the XVI and XVII century. Oxford, 1943. The Victoria County of Wiltshire... Vol. VI.

ния ремеслом и торговлей (если не исключительно, то «по совместительству» с сельскохозяйственным трудом, львиную долю которого составляли, очевидно, занятия, связанные с овцеводством, на что прямо указывает достаточно обширная площадь поселения с наличием общинных земель, представлявших в значительной мере и пастбищные угодья) — очередной критерий и его конкретное подтверждение опять же работают на идею города. Но в том-то и дело, что речь в Вилтоне все же идет не о *преобладании*, а о простом *наличии* людей городских занятий, причем мы черпаем сведения об этом вовсе не из основного и единственного имеющегося в наличии источника, а преимущественно из литературы. О сословии купечества, о ремесленниках как особых производительных группах источник сведений не содержит и содержать не может, предоставляя нам возможность лишь на основе косвенных показателей выводить наличие представителей этих групп.

Итак, все-таки, даже если исходить из очень формальных подходов, можно заключить, что перед нами манор, а не город. Чего только стоит фиксация в источниках XVI в. домена, хотя и сданного в аренду!

О том, насколько важными для владельцев Вилтона были различного рода манипуляции с землей, свидетельствует исчезновение в нем к 30-м гг. XVII в. достаточно обширного фригольда и слоя фригольдеров (равно как и «усечение» площади копигольда в целом) и появление 16 новых аренд, которые не фиксировали описи того же поселения в 60-е гг. XVI в. Средняя площадь такого участка аренды составляла около 10 акров. То есть Пемброки в Вилтоне, как и во многих других манорах, с целью коммерциализации своих владений превращали менее выгодные им типы держаний (с их низкими рентами) в более выгодную краткосрочную аренду. И раз уж они проводили эти «модернизации» не только в своих типичных манорах (то есть, говоря условно, манорах деревенского, сельского типа), но и в Вилтоне, то понятно, какое значение они придавали *земле* и в XVI в., организуя внутреннюю жизнь центра своих поместий по типу земледельческому, то есть по типу *манора*.

Во всех этих проблемах есть и еще одна важнейшая грань, которая раньше абсолютно не являлась объектом внимания со стороны исследователей этого обширного поместного комплекса (Р. Г. Тоуни, Э. Керридж, В. Ф. Семенов, С. И. Архангельский). Практически никто из них не писал об административной и правовой организации

маноров Пемброков. Между тем с административно-правовой точки зрения этот «город» был организован совершенно по типу манора.

Начать с того, что манор-город, как и все другие маноры Пемброков, жил на основе предписаний обычая, который являлся регулятором отношений внутреннего мира Вилтона.

Хранительницей обычая, как и повсюду, являлась манориальная курия — правовая основа манориальной организации Вилтона. Под курию были отведены специальные помещения внутри манор-хауза. Именно там хранились ящики с архивами, выписками из протоколов держаний и заседаний курии и т. д.

В курии присягали на верность лорду манора и получали допуск к держанию, вносили фэйны, платили ренты. Дважды в год, осенью и весной, в ней проводились общие собрания держателей; они же являлись так называемыми «судными днями», во время которых, совершенно по правилам проведения манориальных судов, в присутствии 12 присяжных разбирались тяжбы лорда с жителями Вилтона, межкрестьянские споры, различные проступки внутри манора, определялись наказания за провинности. На общих собраниях жителей точно так же, как и в других манорах Пемброков, происходило «введение в должность» стюарда (управляющего), бейлифа (приказчика), проводились и выборы старосты — наиболее уважаемого человека из числа держателей. В обязанности старосты входило следить за порядком в маноре, следить за тем, чтобы все его жители соблюдали внутренний «нравственный закон» (ведь обычай манора предписывал вести добродетельный образ жизни). Староста помогал стюарду следить за тем, чтобы ренты и штрафы за провинности регулярно пополняли казну манора. В документах есть даже приписка о том, какое наказание грозило старосте в случае недобросовестного отношения к своим обязанностям: если ренты не собирались регулярно (либо староста запивал — и такое случалось), напротив его дома вбивали в землю кол в качестве своего рода отметки о неблагонадежности, но при этом давали целый год и день сроку для того, чтобы человек мог исправиться. Если же ситуация не менялась в течение этого срока, старосту отстраняли от должности, да еще и конфисковали все его имущество в пользу лорда¹². Это, кстати (причем именно в маноре городского типа!), пример наиболее жестокого обращения с теми, кто по той или

иной причине не мог изрядно исправлять указанную должность. Возможно, именно поэтому крестьяне нередко отказывались от нее.

Таким образом, мы видим, что и в плане организации внутреннего уклада жизни Вилтон был скорее манором, чем городом — перед нами как будто оживают страницы типичных протоколов манориальных курий XVI в., настолько традиционным выглядит описание административного и правового распорядков.

В заключение этого небольшого исследования специфики того феномена периода раннего Нового времени, который представлен в источниках манориальной истории Уилтшира термином «borough», отмечу, что считаю достаточно важным введение в нашу историографию проблемы *манора-города* эпохи позднего Средневековья как некоего единого хозяйственного и политико-административного объединения, «городская» и «сельская» составляющие которого совпадали в пространстве и ритме хозяйственной жизнедеятельности. Ранее, в работах П. Г. Виноградова¹³, Е. А. Косминского¹⁴, Ф. Мэтланда¹⁵ и некоторых других историков для эпохи Средневековья проводилось скорее сопоставление между деревней и манором; деревней как «базисным» организационным началом крестьянского мира (общины) и манором как административной «надстройкой» поместных институтов. Именно поэтому в работах упомянутых историков так подчеркивается феномен, который и поныне удивляет неспециалистов в области аграрной истории, свидетельствующий о том, что средневековая деревня не всегда совпадала с локальной политико-правовой организацией манора.

Вопрос же о соотношении города и манора не ставился, да и не мог быть поставлен, и прежде всего потому, что названные исследователи обращались не к периоду раннего Нового времени, а к эпохе чисто феодальной, для которой была характерна постановка вопроса о соотношении 1) деревни и манора, либо 2) города и деревни. Но не манора и города, так как до аграрного переворота в Англии манор как социальный институт еще не «созрел» настолько, чтобы быть рассмотренным в одном типологическом ряду с городом и как-то коррелировать с ним. Как представляется, дело в том, что манориальная организация развивалась с отставанием во времени. Ведь она опиралась на

¹³ Vinogradoff P. Villainage in England. Oxford, 1892.

¹⁴ Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М., Л., 1947.

¹⁵ Maitland F.W. Domesday Book and Beyond. Cambridge, 1897.

¹² Survey of the Lands of William the first Earl of Pembroke. 1566—1567. Oxford, 1909, Vol. 1. P. 205—206.

обычай, а он в каждый данный период по своей «генетической» природе не мог быть совершенным; для высокой степени совершенства ему постоянно не хватало незапамятности; время, похоже, отрицало совершенство обычая, не выводя до конца его начал из пределов человеческой памяти. Поэтому, вызревая в недрах Средневековья, манориальная организация практически никогда не успевала достигать своей классической ясности. Однако к XVI в., судя по источникам, она вбирает в себя элементы, совершенно не типичные для периода классически феодального. К этому времени манор входит в ясную фазу последнего, высокого, «вздоха» и в этом смысле дает возможность отчетливо рассмотреть себя со всеми присущими ему новыми, весьма колоритными с точки зрения социально-экономического развития, чертами. Итогом этого локального рассмотрения манора, окрашенного чертами города, и явились наблюдения, только что предложенные вниманию читателя.

А теперь, вернувшись в нашем путешествии во времени из юго-западной Англии конца XVI — первой трети XVII вв., обратимся к положению дел в манориальном комплексе Рочдейл в графстве Ланкашир того же периода.

Мы найдем в исследуемом поместном комплексе Рочдейл поселение городского типа («township», «brough», согласно источнику¹⁶) Вардлверф, который, пожалуй, может представлять собой не менее своеобразный феномен, чем Вилтон.

Вардлверф занимает площадь несколько меньшую, чем центр владений Пемброков в Уилтшире: он раскинулся на 665,8 акрах и является средним по величине манором поместья Рочдейл (коронные земли, принадлежавшие по пожалованию на момент описи генеральному поверенному короля Роберту Хиту). Так, площадь некоторых маноров сельского или «деревенского» типа в указанном поместье, достигающая 2000—2500 тыс. акров, довольно значительно превышает площадь Вардлверф. В нем зафиксировано совсем немного держателей: их всего 25. Опираясь на эти показатели, его как будто можно было бы считать типичным некрупным манором. Так ли это?

Начнем с констатации того, что опись этого местечка содержит 9 упоминаний о благородных фригольдерах, чьи держания в совокупности составляют площадь в 510 акров. Часть из них вы-

ступает в качестве лиц, которые имеют *типичные участки городского фригольда*; основными признаками таких участков являются, во-первых, их небольшая площадь, во-вторых, очень высокий годовой доход, получаемый с нее. Думается, что это — одна из наиболее репрезентативных черт *городского* держания на общем праве, более того — одна из наиболее характерных черт поселений городского типа в Англии эпохи раннего Нового времени (да и эпохи Средневековья тоже), фиксируемых именно источниками манориальной истории.

Итак, из 9 благородных держателей на общем праве местечка Вардлверф 6 человек являются владельцами участков «внутригородского» мелкого фригольда. Кто они? Это прежде всего эсквайр Роберт Холт. Опись фиксирует наличие в его руках двух участков фригольда, которыми он владеет на условиях рыцарского держания. Один из них представляет собой некий конгломерат земельных владений (явно небольшой, хотя площадь земли не указана) с расположенным на нем рядом строений (9 домов) на улице Church Lane, ведущей, как записано в источнике, «от ярмарки, устраиваемой для продажи скота, по направлению к местной церкви». Кроме того, названный эсквайр владеет и мельницей с конной тягой (hoarse mill), предназначенной для обработки солода, расположенной на High Street (постоянно встречающиеся в своде описей названия улиц характерны из всего поместного комплекса лишь для местечка Вадрлверф, что само по себе является свидетельством городского характера этого поселения, зафиксированного источниками в типичном ряду маноров). За названные владения Роберт Холт платит ренту в 26 шиллингов (s.), высокий уровень которой, весьма необычный для данного региона, отличавшегося очень низкими платежами со стороны держателей на общем праве, свидетельствует о том, что перед нами — держание, рента с которого, очевидно, является весьма значимой для процесса пополнения бюджета владельца поместья Рочдейл. Это держание, несомненно, рентабельно и для самого Роберта Холта. Дело в том, что названные, казалось бы, небольшие по площади владения (вряд ли можно считать обширной площадь земли на одной улочке средневекового «городка» с расположенным на ней рядом строений) приносят их владельцу очень приличный доход в 100 фунтов (£), в 77 раз превосходящий уровень ренты. Несомненно, что высокий уровень платежей с небольшого по площади участка фригольда свидетельствует о вполне

¹⁶ The Survey of the Manors of Rochdale in the County of Lancaster, parcel of the Possessions of the Worshipful Sir Robert Heath, Knt., His Majesty's Attorney General, made in 1626. Ed. by Henry Fishwick. The Chetham Society. M., 1913.

городском характере деятельности его владельца, сдававшего, как указано в источнике, часть принадлежавших ему домов в аренду, а другую часть использовавшего под склады. А вот что составляло содержимое этих складов — мы не знаем точно, а можем только предполагать, основываясь на косвенных для данного случая показателях. Поскольку, как выяснилось в ходе исследования поместья Рочдейл, Роберт Холт хозяйствовал на огромных земельных просторах многих маноров, то он мог с равным успехом заниматься как пашенным земледелием, так и разведением скота, в том числе и овец (о последней из упомянутых возможностей свидетельствует наличие «closes», то есть огороженных участков, в системе его обширных земельных владений). Так что содержимым «городских» складов эсквайра Холта в Вардлверф вполне могли быть овечья шерсть или уже готовое сукно. Для разрешения этого вопроса в данном случае потребовались бы дополнительные источники или микроисследования других авторов по данному комплексу, которых, к сожалению, не имеется.

Другое держание Роберта Холта в Вардлверф с красивым названием True Love составляло всего один акр при ренте 12 пенсов (d.), но зато приносило годовой доход целых 4 £! И в данном случае, как мы видим, превышение дохода над рентой было довольно значительным, составляя цифру 80.

Другой эсквайр, Теофил Холт, хозяин обширных угодий внутриманориального фригольда общей площадью более 5 тыс. акров, владел в Вардлверф девятью крохотными участками земли на улицах городка, которые, как мы предположили, могли сдаваться под склады или конторы, принося (при отсутствии ренты) годовой доход в целых 17 £! Думается, что столь высокий доход с незначительной площади также явно свидетельствует о коммерческом направлении деятельности его владельца.

Джентльмены Роберт Ховорф и Джеймс Хеллиуэлл, означенные в описи в качестве держателей на общем праве, также имеют на улицах Вардлверф небольшие участки земли (в обоих случаях их площадь еле достигает акра) с расположенными на них домами, сдаваемыми в аренду, а также небольшими садами. Доход Роберта Ховорфа составляет, при отсутствии ренты, 3 £ в год, в то время как доход Джеймса Хеллиуэлла еще выше: целых 8 £!

Джентльмен Роберт Хейвуд, согласно данным описи, владеет на улице High Street («по соглашению, заключенному 23 мая 1588 г. его отцом с сэром Робертом Байроном, рыцарем, а также с его вторым

сыном») двумя акрами земли, на которых расположена его усадьба и фруктовый сад. Это «городская усадьба», зафиксированная в манориальной описи, приносит ее владельцу при «нулевой ренте», как отмечено в источнике («rent — nil»), целых 15 £ годового дохода!

Однако среди «благородных» фригольдеров манора городского типа Вардлверф опись фиксирует и держания гораздо большей площади, нежели те небольшие усадьбы, о которых говорится в приведенных выше примерах.

Так, например, джентльмен Ричард Энтвисл, наряду с участком в 4 акра, периодически сдаваемым в краткосрочную аренду семейной паре (некоему Джеймсу Добсону, женившемуся на «вдове Александра Смита»), расположенным вдоль улицы Church Lane и приносящим ему при ренте в 2,5 s. годовой доход в 5 £ (доход > ренты в 40 раз), владеет также и 75 акрами фригольда (очевидно, за чертой Вардлверф), состоящего из «пашни, пастбища и луга» и обогащающего его на 60,7 £ ежегодно (доход на акр земельной площади в данном случае очень высок: он составляет 15,4 s.). Другой джентльмен, Сэмюэл Хамер, владеет 55 акрами луга, пастбища, сада в «черте borough и за его пределами», как записано в описи. На этих землях (кстати, неизвестно, сколько акров приходилось конкретно на «городские» и «загородные» владения в отдельности) был расположен капитальный мессагий-усадьба («capital messuage») Сэмюэля под названием Hamer Hall с садом, огородами; где-то нашлось место и для водяной мельницы. За все это городское и пригородное великолепие названный джентльмен платил совсем небольшую ренту в 22 d., но зато получал доход почти в 29 £. В данном случае превышение годового дохода над рентой особенно велико: оно составляет цифру 316. О рентабельности данного участка фригольда смешанного типа для его владельца свидетельствует также и высокий уровень дохода на акр земельной площади, составлявший для данного случая цифру 10,2 s.

Кроме того, в число владельцев «благородного» фригольда в черте Вардлверф следует, несомненно, включить и вдову Катерину Холт. В совокупности она владеет в Вардлверф 77 акрами (2 участка: 45+32 акров) земельной площади, приносящими ей 88 £ годового дохода. Особенно высок доход на одном из них, компактном участке в 32 акра, находящемся в черте города. Он равен целым 58 £ (36,2 s./акр). Досадно, что опять-таки мы не знаем определенно специфики хозяйственной деятель-

ности владельца (в данном случае — владелицы) участка, приносящего столь высокий доход. Но, однако, и те данные, которые нам предоставляет источник *манориальной истории* по поводу специфики развития «городского» фригольда, можно, по-видимому, считать достаточно ценными, так как они помогают вынести определенные суждения о корреляции между городом и манором в Англии периода раннего Нового времени.

Интересным сюжетом, вносящим некоторые нюансы в эти суждения, может служить и пример с «городским» фригольдом в Вардлверф эсквайра Абеля Бакли. Этот джентльмен, наряду с обширными земельными участками, разбросанными по многим типичным манорам поместья Рочдейл, хозяйствует на огромном фригольде внутри *bovough* Вардлверф площадью целых 293 акра! Этот фригольд представлял собой в недавнем прошлом домен, сданный «по гранту» в свободное держание — «*being a demesne land, given by grant as a freehold*». Необычайно интересный факт — ведь обычно домен, тем более в эпоху аграрной революции, предпочитали сдавать в аренду, приносящую, особенно при условии ее краткосрочности, весьма стабильный доход в виде динамично поступающей арендной платы. Подобные массовые операции с доменом были характерны перед революцией для владений Пемброков на юго-западе Англии, в том числе и в маноре городского типа Вилтон. Чем же можно объяснить превращение довольно компактного участка домениальной земли в северо-западном поместье Рочдейл в *свободное держание*, да еще его фиксацию манориальной описью в числе «городских» держаний? Ответить на этот вопрос очень трудно из-за неполноты сведений, предоставляемых нашим источником. Думается, речь в данном случае может идти о каких-то факторах экономического порядка, которые оказывались настолько притягательными для владельцев комплекса Рочдейл, что доходы от сдачи домена в свободное держание потенциально могли занять их «хозяйственное внимание» более, нежели доходы от сдачи его в аренду. Я, возможно, не ошибусь, если назову в качестве основного из этих факторов как раз «городской» характер «домениального фригольда». Вполне возможно, что активная хозяйственная эксплуатация этого компактного участка земли именно в черте «манора-города», эксплуатация на коммерческий лад, была основой подобных операций. То обстоятельство, что в числе указанных угодий, как ни странно, присутствуют не только участки земли, огороженной под

пастбище, предназначенные, очевидно, для коммерческого овцеводства, но и пахотная земля, наводит, например, на мысль о том, что тем, кто «менял» домен на держание на общем праве, могла показаться заманчивой перспектива продавать производимые зерно и шерсть на местном, городском рынке, не переплачивая дополнительно за их транспортировку, как это случалось с доставкой продукции из отдаленных, типично «деревенских» маноров. Конечно, в этом случае вполне можно было бы сдать домен и в аренду, но давайте не забывать, что речь идет об аграрной эволюции северного типа с присущими ей особенностями, выражавшимися, в частности, в большем, по сравнению с другими регионами, распространении здесь фригольда и замедленном внедрении арендных отношений. Достаточно сказать о том, что в целом в описях обширного поместного комплекса Рочдейл 20-х гг. XVII в. представлены лишь фригольд и держание на обычном праве, но практически отсутствует фиксация отношений договорного типа. Не забудем, характеризуя приоритеты в деле хозяйственного использования земли различных статусов внутри Вардлверф, также и о высоком сословном статусе интересующего нас джентльмена, входившего, как удалось выяснить в ходе исследования, в держательскую элиту Рочдейла, состоявшую из местного джентри и пользовавшуюся особым покровительством со стороны владельцев маноров и их администрации. Нам остается добавить, что за участок «городского» фригольда Абель Бакли платил ренту в 5 s. 10 d., которая была в 475 раз ниже годового дохода с участка, составлявшего 142,4 £. О высокой рентабельности данного участка «городского домениального фригольда» свидетельствует и высокий уровень дохода на акр фригольда, составлявший почти 10 s.

Если мы продолжим наше рассмотрение внутреннего уклада жизни поселения городского типа Вардлверф, то, безусловно, остановим свое внимание на факте наличия в этом местечке, помимо благородных владельцев «городского» фригольда, также и фригольдеров-горожан «крестьянского типа» (как ни мудрено выглядит это определение). Действительно, наряду с 9 «благородными» фригольдерами внутри Вардлверф, чей сословный статус мы определяли по соответствующей приписке, свидетельствующей о их дворянском происхождении, можно найти и 15 человек тех, кто владеет землей на обычном праве, но лишен искомой приписки, вслед за именем, которая свидетельствовала бы о их благородном происхождении. Не

забудем, что в практике анализа источников манориальной истории отсутствие подобной приписки свидетельствует о необходимости отнесения данного лица к числу держателей крестьянского типа.

Из 15 указанных фригольдеров крестьянского типа, чьи участки фиксируются описью Вардлверф, только 9 человек владеют землей, расположенной непосредственно в черте «манора-города», и могут считаться, во всяком случае по этому территориальному признаку, «истинными» горожанами. Каковы же особенности их держаний? Самая интересная из них состоит опять-таки в том, что все участки указанных лиц необычайно малы по своей площади: она варьирует в данном случае от 0,75 до 5 акров. Так, участки площадью всего один акр держат Эдмунд Холланд и Томас Холмс, полутора акрами внутри Вардлверф довольствуются Джозеф Дерден, Джон Смит и Роберт Чадвик. Владения Исаака Клегга превосходят площадь только что указанных участков всего на 0,25 акра, Джеймс Парес хозяйствует на двух акрах и т.д. И только Эдвард Луми держит чуть больше: «целых» пять акров.

Второй отличительной чертой этих мелких городских держаний является довольно типовой характер составлявшего их движимого и недвижимого имущества. Обычно это земля, расположенная, как и в случае с городским «благородным» фригольдом, вдоль улиц «манора-города»: High Street, Spotland Street, Church Lane, Rochdale Street... Это, как правило, небольшие городские усадьбы, в центре которых находится дом или мезуагий с прилежащими к ним фруктовыми садами и огородами, надворными постройками для птицы и скота. В одном случае, однако, фиксируется наличие мельницы с конной тягой, в другом опись отмечает, что держатель Джозеф Дерден владеет не просто усадьбой, а мезуагием, доставшемся ему по наследству от Оттауэлла Смита, купца из Лондона; источник с исключительной для данного случая дотошностью (речь-то ведь идет о *земельной описи*) перечисляет предметы домашнего обихода, входившие в это наследство, – сундуки с одеждой, постельные принадлежности, кухонная утварь и посуда, топоры, пилы, лодки, весла и т. д.

Третья отличительная черта интересующих нас участков «городского» фригольда, находившихся в хозяйственном владении держателей на общем праве «крестьянского типа», также не удивит нас: оказывается, что эти мелкие участки опять-таки приносят их владельцам очень высокий доход. Так,

например, доход с полутора акров только что упомянутого владения Джозефа Дердена составлял, при ренте в 1 пенс, целых 20 £ (в данном случае соотношение между величинами — 4800!). Томас Холмс, владея одним акром земли, ежегодно извлекал на основе его хозяйственной эксплуатации (специфика этой эксплуатации, увы, неизвестна и не может быть известна нам ввиду того, что земельные описи никогда ее не фиксируют) 10 £ дохода, Эдмунд Холланд с участка такой же площади — 8 £, Джеймс Парес с двух акров — 20 £. Этот список можно было бы продолжить, но сейчас важнее другое. Необходимо отметить, что, как показывают нам источники манориальной истории, фиксирующие специфику внутригородских держаний фригольда, сам **факт наличия высокого годового дохода при относительно малой площади городских держаний не зависел от сословного статуса держателей**. Дворянин или крестьянин, живший в «маноре-городе», мог получать и получал с малых участков земли относительно высокий по уровню доход, о чем не в последнюю очередь свидетельствовали обратно пропорциональное его соотношение с годовой рентой и такой показатель, как высокий уровень дохода на акр городского держания на общем праве. *Возможность получения такого рода дохода определялась не сословным статусом держателей, а идентичным («городским») типом их хозяйственной деятельности.*

Однако если мы от констатации самого факта наличия высоких доходов в городской среде, не зависящего от сословного положения держателей, попробуем перейти к анализу конкретных цифр высоты доходов в различных сословных группах, то увидим, что, очевидно, «чистота» сословного статуса все же каким-то образом влияла на абсолютную высоту доходов с городских держаний. Интересно, например, отметить, что так называемые истинные горожане, не принадлежавшие к благородному сословию, владели внутри «манора-города» в общей сложности 17,5 акрами земельной площади, получая с нее совокупный доход 102 £. Таким образом, их общий доход с акра земельной площади городского «неблагородного» фригольда равнялся 116 s. или почти 6 £! Это, конечно же, очень высокий доход. Однако еще больший доход с акра чисто городских мелких держаний (за вычетом тех, которые лежали за городом) был характерен для «благородного» городского фригольда. Так, упомянутые выше 6 фригольдеров-дворян внутри Вардлверф, хозяйствовавшие в общей сложности на 10 акрах внутригородского фригольда, получали

с него в совокупности 162 £ годового дохода, то есть 16,2 £ с акра!

Таким образом, различия в сословном статусе, как мы видим, могли влиять если не на сам факт получения высоких доходов с городских держаний малой площади, то уж во всяком случае, очевидно, определяли приоритеты в возможностях и путях достижения этого дохода. Вполне вероятно, например, что человеку благородного происхождения было легче, чем простолюдину, достигнуть определенных высот в процессе реализации своей хозяйственной активности: стать владельцем раздаточной конторы, напрямую используя связи с местной администрацией, наиболее выгодно сдать городские строения в аренду, быстро реализовать на местном рынке (опись фиксирует его наличие) свою продукцию по сходной цене и т. д. Учитывая специфические данные нашей описи по Вардлверф, я отнюдь не исключаю перечисленные возможности в качестве вероятных «факторов роста» доходов с мелкого «благородного» внутригородского фригольда.

Нам осталось еще проанализировать условия держаний тех 6 фригольдеров «крестьянского типа» (то есть сословно не идентифицированных описью) в черте Вардлверф, участки которых расположены в «посаде», вне городской черты. Данные об этих лицах сосредоточены в таблице.

Таблица

«Внегородской» фригольд Вардлверф

Имя	Площадь, акр	Доход, £	Рента, d.
Чарльз Наталл	14	8	5,5
Вильям Батгер	14	6,5	5,5
Чарльз Нат	58	34	32
Абрахам Хансон	12	2,7	—
Сэмюэл Уолфенден	14,5	5	1
Эдмонд Огден	13,3	10	5,5
Итого	125,8	90,5	49,5

Итак, как видно из таблицы, 6 указанных держателей, не являясь, согласно нашей терминологии, основанной на территориальном принципе, истинными горожанами, сосредоточили в своих руках 125,8 акров за чертой «манора-города». Пятеро из них держат участки примерно одинаковой площади от 12 до 14 акров. И только Чарльз Нат хозяйствует на гораздо большей площади в 58 акров. Шестеро указанных фригольдеров получают в совокупности достаточно высокий доход в 90,5 £, что составляет в среднем 14,4 s./акр. Однако этот высокий в среднем уровень дохода с акра фригольда указанного типа явно определяется тем, что в состав представителей анализируемой категории входит Чарльз Нат, чей доход равен 34 £. Кстати,

доход с акра на его собственном участке земли ниже среднего и составляет 11,7 s./акр. Доход же, например, Эдмунда Огдена составляет 15 s. с акра земельной площади. Так или иначе, мы видим, что участки «пригородного» фригольда также приносили их владельцам весьма высокий доход. Это утверждение будет выглядеть особенно верным, если мы добавим к сказанному, что средний уровень доходности «пригородного» фригольда в 439 раз превышал средний уровень выплачиваемых его владельцами рент¹⁷.

Зададимся теперь таким вопросом: можно ли на основании данных, которые предлагают нам манориальные описи, разрешить вопрос о том, какой тип фригольда в целом был наиболее доходным для его владельцев?

Источники предоставляют нам редкую возможность ответить на этот вопрос на основании попытки проведения микро-компаративного анализа, а именно сравнения уровней дохода на акр: 1) на внутригородском «благородном» фригольде, 2) на внутригородском фригольде крестьянского типа, 3) на внегородском фригольде крестьянского типа, 4) на «благородном» фригольде манориального типа.

Итак, мы помним, что средний уровень дохода на акр в первом случае был равен 16, 2 £; во втором — 6 £; в третьем — 14,4 s. (0,7 £), в четвертом — 6,3 s. (0,3 £)¹⁸. Эти цифры говорят сами за себя. Оказывается, что маленькие держания внутригородского фригольда были подчас несравненно более выгодными для его благородных владельцев, нежели их обширные, безбрежные владения, раскинувшиеся на просторах типичных маноров: об этом свидетельствует проведенный анализ наших источников. Так, например, средний уровень дохода на мелком внутригородском дворянском фригольде в 54 раза превышал этот показатель на «благородном» фригольде манориального типа. Таким образом, не вызывает удивления тот факт, что крупное дворянство Ланкашира вроде Роберта или Теофила Холтов стремилось к повышению общего уровня доходности своих поместий *не только за счет концентрации владений манориального типа в одних руках или проникновения на территорию обычного держания, но и за счет*

¹⁷ 90,5 £ = 1810 s. = 21720 d.; 21720 d. : 49,5 d. = 438,7.

¹⁸ См. таблицу, в которой содержатся данные о среднем уровне дохода с акра внутриманориального «благородного» фригольда. 6,3 s. — это уровень дохода с акра по всему комплексу маноров поместья Рочдейл. В некоторых манорах он был ниже: 2,4,8 s.; в некоторых — выше среднего: 11,9; 10,4; 18,9 s.

внедрения на внутригородской фригольд — фактор, до сих пор не слишком-то принимавшийся в расчет в историографии при анализе «роста джентри» в эпоху аграрного капитализма. О том, насколько выгодным могло быть и было хозяйствование на землях указанного статуса, свидетельствует не в последнюю очередь и тот факт, что средний доход с них даже крестьянских сословных элементов в 20 раз превышал соответствующий уровень дохода с дворянского «внутриманориального» фригольда по комплексу маноров Рочдейл (6 £ : 0,3 £ = 20).

Если мы попробуем подвести некоторые итоги по проблеме английского «манора-города» раннего Нового времени на примере изучения Вилтона и Вардлверф, которые обозначены в документах манориальной истории «городскими» терминами и представляют юго-западный и северо-западный типы локального развития, то, пожалуй, наши наблюдения в этой области могли бы быть сведены к следующему.

Во-первых, феномен «манора-города» в сельской действительности Англии указанного времени свидетельствует, наряду с другими факторами, уже отмеченными ранее в отечественной историографии¹⁹, о переходном характере эпохи. Во-вторых, как представляется, проведенное исследование дает основание считать яркой чертой указанного феномена его двойственность, «незавершенность» основных структурообразующих характеристик, отмеченных чертами одновременно города и манора. Еще раз стоит подчеркнуть то обстоятельство, что недаром подобный феномен терминологически характеризуется источниками по аграрной истории как поселение городского типа, хотя сам факт его наличия в описях среди типичных маноров свидетельствует о генетически деревенском, сельском его происхождении. Он не может не быть двуликим.

В качестве основных черт указанного феномена, характеризующих его как манор, можно было бы выделить следующие: а) значительная роль сельскохозяйственных занятий населения; б) наличие домена, хотя и сданного в аренду (Вилтон) или фригольд (Вардлверф); в) наличие копигольда и копигольдеров (Вилтон, Вардлверф) — держаний типично внутриманориального типа; г) организа-

ция хозяйственной жизни по типу манора (Вилтон), то есть специфические, характерные именно для манора, эволюции с землей (превращение фригольда и копигольда в аренду); д) правовая и административная организация внутренней жизни по типу манора (Вилтон): наличие курии (а не городского совета, например), роль манориального обычая как регулятора внутренней жизни. Что касается Вардлверф, то в нем хотя и фиксируется курия, но не содержится описания особенностей ее работы (да еще таких интересных, как в центре владений Пемброков в Уилтшире). Однако это не означает, что ее не было, и именно в Вардлверф. Само наличие описей 20 маноров, использованных в ходе исследования Рочдейла в целом, — более чем убедительное свидетельство в пользу существования курии, подобные документы могли составляться только в ней, и нигде больше. Кроме того, в практике поместной жизни курия обычно располагалась в центре тех или иных владений, каковым по отношению к комплексу Рочдейл и являлся Вардлверф. Вряд ли владельцы комплекса были заинтересованы в том, чтобы перенести такой важный инструмент хозяйственной, административной, правовой жизни, каким являлась курия, в какой-нибудь отдаленный манор, в сторону от центра своего собственного проживания. Такого просто не могло быть, как не могло быть ничего нерационального в практике хозяйственной жизни предприимчивых английских сквайров. Думаю, что наличие этой организации как раз было настолько естественным, что с точки зрения владельцев не требовало специального подробного описания. Что касается Вилтона, то, по моему мнению, подробное описание правил работы в нем курии связано, прежде всего с интересными обычаями, характерными для этого поселения.

В качестве специфически «городских» черт изучаемого нами феномена можно было бы выделить такие: а) относительно незначительная площадь поселения, несоизмеримая с просторами манора (Вардлверф более, чем Вилтон, демонстрирует этот признак); б) дополнительные неземельческие занятия населения — ремесло, торговля, совмещаемые с сельскохозяйственным трудом; в) наличие рынка (в обоих наших центрах); г) топография скорее городского, чем сельского типа — наличие многих улиц (Вардлверф); д) небольшая, в основном, площадь земельных наделов (Вилтон, Вардлверф); е) высокая рентабельность городских участков — годовой доход, в десятки и сотни раз превышающий ренты за держания (Вардлверф), —

¹⁹ Речь идет о таких, например, факторах, как более раннее развитие английского капитализма в деревне, а не городе (в связи с интенсивной ориентацией европейского рынка на экспорт шерсти из Англии); локализация в английской деревне рассеянной мануфактуры раннекапиталистического типа и т. д.

фактор, являвшийся особенно притягательным для держателей различных сословных статусов, в том числе и для «благородных» фригольдеров.

В заключение подчеркну, что проведенная работа кажется мне с исследовательской точки зрения вполне полезной. Научная важность этого сюжета

определяется прежде всего его своеобычностью, «казусной» специфичностью, выпадением из общего ряда привычных социальных структур. Тем более необходимым представляется продолжение изучения этого феномена, насколько это возможно на материале источников других регионов Англии.